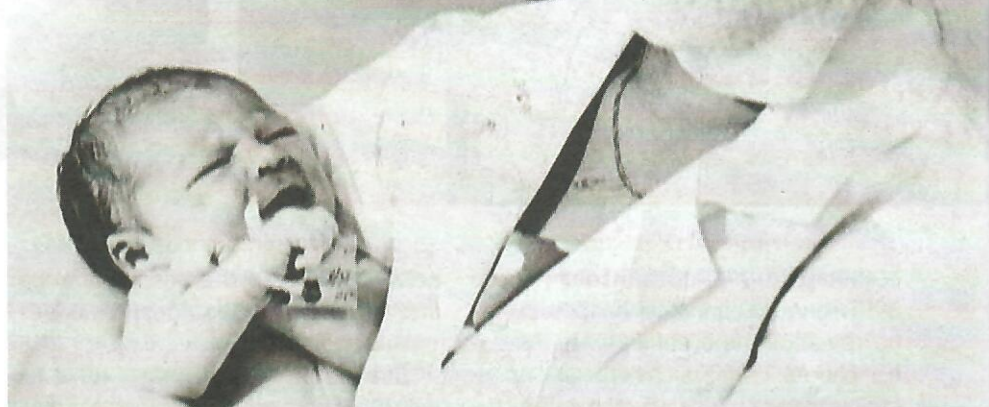

ГЕРОЙ-ЛЮСЬКА

Ирина Викторовна ЯНМИНКУЛЬ
Пресс-секретарь ТРОО ТОПСА

Люська проснулась по будильнику, звонко гремящему на тумбочке. Испуганно выпучив глаза, она пыталась вспомнить: кто она, где она и что за звуки сейчас раздавались над ухом. На циферблате будильника равнодушные стрелки показывали 3 часа дня... Вспомнив все, поняла, что меньше, чем через два часа, ей нужно будет заступать в ночную смену. А до этого необходимо успеть выполнить массу необходимых действий: закинуть в сумку бутерброд с ветчиной, быстро выпить чашку горячего чая, подкрасить реснички, прыгнуть в модные брючки, легкую, но теплую куртку и бежать на работу по самым кратким тропкам-улочкам, минуя шумные автомобильные трассы...

Только в молодости можно быть такой беззаботной! А Люська, несмотря на свои девичьи 22 года, была очень взрослой. У нее на все имелось свое мнение, свои взгляды, свои суждения. Хотя ей ее возраст даже с натяжкой никто не мог дать: пигалица, да и только! «Метр с кепкой» – и то в прыжке!

Вот только в профессию она попала случайно: пожалев подружку, отправляющуюся на вступительные экзамены в медицинское училище, решила оказать ей дружескую поддержку и тоже подала туда документы в надежде, что не пройдет по конкурсу. Она мечтала, что вот тогда она и отправится в учебное заведение, где готовят воспитателей.

Детей Люська любила с детства. В семье она была младшей из троих детей, и мама ласково называла ее «наш поскребышек», потому что рождение ее не было запланированным и родила ее мама почти в 40... А Людочке всегда очень хотелось о ком-то заботиться. Душа у нее была очень доброй и открытой, такой воспитала ее мама.

Хотя в «тетю доктора» она любила играть еще лет с 4–5. Соседи, завидев ее со старой материнной сумкой, перекинутой через хрупкое детское плечико, подыгрывая Людочке, с любовью и умилением зазывали ее к себе во двор, жалуясь на разные хворобы: у кого срочно надо руку забинтовать, потому что туда заноза попала, кому надо спину поправить, поэтому просят ее потопать по спине маленькими ножками, кому просто таблетку от кашля дать требуется. И она, сочувственно вздохнув, как добрый Доктор Айболит, всех пыталась исцелить и вылечить. Сумка доктора у нее была укомплектована на все случаи жизни! В ней был и старый флакон от валерьянки, в котором мамой были насыпаны маленькие леденцы-монпасье, помогающие лучше всяких таблеток, лежал в сумке и старый тюбик мамино крема для рук, являющийся самой лучшей мазью от всех ран, даже стеклянная лопаточка от старой глазной мази и то была в ее врачебном арсенале. Чего уж говорить про бинт с пластырем, а какой ты иначе доктор, если не все болезни можешь вылечить?

Но пока училась в школе, интерес к врачеванию благополучно испарился, и решила Людочка, что хочет работать воспитателем: играть с малышами, читать им сказки, заботиться о них, проводить веселые утренники, водить с ребятами хороводы, распевать веселые песни.

Подружка, недобрав нужное количество баллов, по конкурсу в медучилище не прошла, а Люська со своей дружеской поддержкой оказалась зачисленной. Вот тут-то мама и сыграла свою роль, «сосватав» ее с профессией... «Поступила, так учись! От добра добра не ищут. А быть женским доктором всегда почетно».

Училась Людочка с упоением. Ей в медицинском училище понравилось все: и особая чистота, и авторитет преподавателей, и даже сама форма одежды, которую сразу стали требовать от студентов, пришедших в альма-матер. Профессия акушерки, в которой она оказалась по воле случая, увлекла ее, и она не могла дождаться того момента, когда получит долгожданный диплом и сможет самостоятельно оказывать помощь женщинам. «Работать пойду в роддом, поближе к детям» – так думала будущий медик-акушер Люська.

Все так и получилось. Распределили ее после училища еще с одной девочкой из группы в далекий район, почти за 700 км от мамы. Мир не без добрых людей, подсказали, как с автовокзала

добраться до районной больницы. Пришла она с маленьким клетчатый чемоданчиком в кабинет главного врача, несмышленная рыжеволосая птаха с двумя весело торчащими хвостиками и накрашенными ресничками. Ростом – все тот же «метр с кепкой»... Вторая девочка была посправней и по выше, поэтому казалась гораздо взрослей Люськи. Встретил их главный врач приветливым басовито-рокошущим голосом, опустив смеющиеся глаза в стол, кашлянул в кулак, чтобы не рассмеяться окончательно, и начал обстоятельно расписывать фронт предлагаемой работы. Подругу Надежду направил в участковую больницу на пустующее место акушерки, откуда она через год благополучно сбежала и уехала домой, а Люську решил определить в роддом детской сестрой для начала...

Наивная, добрая и доверчивая, она быстро влилась в коллектив и стала всеобщей любимицей. Шустрая, надежная, грамотная, она делами доказывала свою профпригодность. Некоторые мамочки, принимая ее за практикантку, не спешили ей доверять своих новорожденных детишек, считая: «Дитю как дите доверить?» Но прислушиваясь к мнению ее коллег и присматриваясь к ее умелым ручкам, подмечая ласковый и нежный голосок, которым она объясняла им, как правильно пеленать детей, оттаивали и верили. А Людочка, набираясь опыта, уже самостоятельно могла работать как детской сестрой, так и акушеркой, принимающей роды...

Прибыв в родное отделение в ночную смену, поприветствовала коллег, приняла к сведению все рекомендации, ознакомилась с пациентками, поступившими в родильное отделение за сутки, заглянула в палаты, где беззаботно посапывали грудные дети, и заступила на сестринский пост по уходу за новорожденными. С дежурной акушеркой откормили пациенток ужином, выполнили необходимые врачебные назначения. Людочка, строго по «положенным часам», разнесла в палаты мамочкам новорожденных на кормление, и не успели они с акушеркой присесть отдохнуть, как к старому деревянному зданию родильного отделения лихо подрулила машина скорой помощи. «Девчата,

принимайте роженицу! Удачной вам ночи!» – подшучивая, передала им готовую вот-вот родить женщину и медицинскую документацию фельдшер скорой помощи и, «вильнув хвостом», умчалась на машине в неизвестном направлении.

Засуетившись, медики кинулись укладывать худенькую, ослабленную и едва стоящую на ногах от все учащающейся боли женщину на кровать. Глаза роженица тревожно закатывала, дыхание было нетипичным, прерывистым. Изучив сопровождающую документацию, они обе (и опытная акушерка, и молоденькая детская сестричка) испугались, и было от чего – у женщины было удалено одно легкое. Ребенок мог родиться с асфиксией или кислородным голоданием. Акушерка немедленно позвонила в приемное отделение, чтобы срочно везли в отделение акушера-гинеколога, – роды обещали быть очень непростыми. Взяв себя в руки, они пытались успокоить женщину... События развивались молниеносно, третий по счету ребенок не дал шанса медикам дождаться доктора. Обвитие пуповины, крупный плод, ребенок был синего цвета и не подавал признаков жизни. Акушерка суетилась над изможденной

женщиной, кровотечение никак не удавалось остановить.

А «сама еще дите Людочка» осталась один на один с ребенком. План в голове родился мгновенно, словно кто-то очень мудрый сверху вел и управлял ее действиями. Она «отдышалась», «отходила» этого почти пятикилограммового малыша еще до приезда акушера-гинеколога. С хрипом вдохнув воздух, малыш заплакал сначала клокочуще, потом все громче, не понимая, что значит для этой медсестрички его крик. Укутав его в теплую пеленку, Люська упала на пол на колени, и сначала тоненько подвивая, жалея себя и одновременно радуясь спасенной жизни, навзрыд заплакала. Ты – герой Люська!

Медикам не дают орденов или медалей за спасенные жизни, но благодаря таким безымянным героям продолжается жизнь на земле. Сейчас спасенному юной Людочкой Ефиму уже за 30, он сам папа. Но такие случаи из жизни, накрепко запечатленные в памяти, нет-нет да всплывают, отрезвляют, возвращают на грешную землю. Мы гордимся Вами, Людмила Александровна Кох. Спасибо от всех малышей, прошедших через ваши умелые, благородные руки. Здоровья Вам, а оно для Вас сейчас просто жизненно необходимо!